

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'37; 81'38

И. И. Бабенко

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕФЛЕКСИЯ КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ¹

Художественная рефлексия юного поэта описывается как регулятивная стратегия воплощения результатов самоанализа явлений внутреннего мира, социокультурных, языковых и исторических феноменов в эстетической форме. Данная регулятивная стратегия является эксплицированной и однородной по типу доминирующих регулятивных средств, к которым можно отнести интертекст и метатекст, а также формы эстетического воплощения метаисторического и метапоэтического сознания лингвокреативной личности, находящейся в стадии становления творческой индивидуальности.

Ключевые слова: эстетическая рефлексия, регулятивная стратегия, творческая языковая личность, начинающий поэт.

В философии, психологии, культурологии, эстетике и др. областях гуманитарного знания при описании феномена рефлексии внимание ученых сосредоточено на генезисе самопознания, его роли в коммуникации, в организации социальной кооперации [1]. При этом рефлексии придается особый статус, она рассматривается как основа творческого выражения личности [1], определяется как интегративная функция по отношению к различным психическим способностям [1], как системообразующий фактор всех видов деятельности [2], как основа художественного сознания и фактор упорядочения представлений об окружающем мире, способ самоорганизации творческих усилий [3]. Филологов, изучающих рефлексивную функцию, интересует не столько генезис самопознания и его социальная функция, сколько результаты рефлексии, воплощенные в эстетической форме.

В XX в. рефлексия перестала рассматриваться только как метод самоопределения автора в культурном пространстве, была осознана необходимость изучения результатов ее воплощения в многочисленных художественных приемах (автокommunikация, стилизация, интертекст, метатекст, метадиалог и др.). Наиболее последовательному филологическому анализу (см. работы В. И. Тюпы, Д. П. Бака, М. П. Абашеевой, М. А. Хатямовой и др.) подвергается эволюция художественной рефлексии в творчестве признанных авторов XX в. Однако до сих пор нет исследований, посвящен-

ных изучению художественной рефлексии не только как отражению мировоззрения художников слова, но и как стратегии управления познавательной деятельностью читателя.

Целью данного исследования является установление специфики проявления художественной рефлексии как регулятивной стратегии и фактора становления начинающего поэта. Можно ли считать начинающим поэтом ребенка, пишущего талантливые стихи в 8–12 лет? Или прав был Самуил Маршак, который написал в стихотворении «Начинающему поэту»: *Тот, кто еще не начал, – не поэт, / А кто уж начал, – тот не начинающий*. На раннем этапе творчества поэта можно назвать начинающим лишь условно, поскольку он развивает творческое воображение, склонность к рефлексии и другие способности, которые были в нем заложены природой или судьбой. Отметим, что еще В. Г. Белинский писал о высокой степени рефлексивности, присущей лирической поэзии, которая «дает слово и образ немым ощущениям, выводит их из душного заточения тесной груди на свежий воздух художественной жизни, дает им особое существование. Следовательно, содержание лирического произведения не есть уже развитие объективного происшествия, но сам субъект и все, что происходит через него» [4].

В данной работе внимание обращено на стихотворения молодой томской поэтессы Анастасии Ануфриевой, чей первый поэтический сборник с го-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 14-14-70003 «Лингвокультурное своеобразие региональной инфосферы: творческая языковая личность».

ворящим названием «Май номер двенадцать» [5] был опубликован в 2004 г. и приурочен автором к определенному этапу жизни – границе детства и отрочества: *Май номер двенадцать – / страница, граница, рубеж: / Еще не поэт / и почти что уже не ребенок*. В стихотворениях первого сборника А. Ануфриевой творчески воплощается важнейшая особенность психики ребенка – формирующаяся способность к самоанализу, созреванию самосознания, которое Л. С. Выготский называл «проекцией социальных отношений внутрь личности» [6]. Творческое воображение юного автора позволяет эстетически отразить сложный процесс усвоения не только социального, но и культурного опыта.

Базовые представления о феномене рефлексии в онто- и филогенезе в современных гуманитарных исследованиях были сформулированы Л. С. Выготским, считавшим развитие самосознания основным критерием становления личности. Формирование рефлексии, по мнению ученого, проходит несколько этапов, начинаясь с наивного знакомства с собой, своим телом, миром собственных переживаний и чувств в раннем детстве и продолжаясь в пристальном и целенаправленном самоисследовании, в развитии творческого воображения, культурном развитии поведения и мышления в подростковом возрасте [6]. Именно подросток выполняет сложнейшую задачу по дифференцированию и интегрированию образа «Я» с точки зрения особенностей внутреннего мира личности.

Художественно одаренный ребенок или подросток демонстрирует обостренное эстетическое восприятие языка [7], «памяти культуры» [8], мира собственной души и феноменов окружающей действительности [9], богатое воображение, которое «начинает выполнять регулирующую функцию и подчинять восприятие возникающими художественными замыслами, дорисовывать то, что было за пределами воспринимаемого» [10], наконец, читательские способности, «способность соотносить читаемое со своим жизненным опытом» [11]. Склонность к рефлексии, восприимчивость, творческое воображение и способность к перевоплощению вполне компенсируют юному таланту недостаток личного эмоционального опыта, который обычно является мощнейшим стимулом зрелого поэтического творчества.

Художественная рефлексия, являясь регулятивной стратегией, имеет «нежесткий ассоциативно-образный характер» и «отражает поэтапный процесс регулирования познавательной деятельности адресата средствами текста в целях эффективного общения с адресатом» [12]. Специфика данной стратегии состоит в том, что автор управляет познавательной деятельностью читателя средствами эстетического воплощения в тексте процессов рефлексии.

Эстетически преобразованная рефлексия становится ведущей регулятивной стратегией юного поэта и характеризуется, на наш взгляд, тем, что, отражая процесс самонаблюдения поэта, одновременно управляет познавательной деятельностью читателя. Читатель наблюдает, как процесс формирования самосознания воплощается не только в личностном, социальном, но и в эстетическом самоопределении автора.

Рефлексией пронизаны все 42 стихотворения сборника «Май номер двенадцать» и авторский комментарий, в котором лейтмотивом звучит поиск личного и творческого пути с опорой на опыт других, на память культуры: *своей судьбы пока не обрела и дороги своей не прошла*. Об источниках этих знаний поэт говорит устами персонафицированного героя, перечисляющего произведения, составляющие круг чтения автора: *Сложно, наверное, быть героем – / Мифов, сказаний, преданий, Библии, / Или фольклора народов Севера*. При этом автор полностью отождествляет себя не только с лирической героиней стихотворений, но и с их персонажами, признавая, что ее способность «перевоплотиться в собственного персонажа» – не литературный прием, а «способ остаться собой».

Сложную задачу остаться собой, переосмысливая чужое, начинающий поэт решает достойно, и слова *живу – чужим, тем, что успела услышать в чьих-то песнях, увидеть на картинах* звучат честно, вполне отражая не только траекторию собственных исканий, но и тяготение культуры последних десятилетий к различным формам интертекстуальности и интермедиальности.

В стихотворениях А. Ануфриевой можно выделить ряд регулятивных приемов, подчиненных единой цели, – эстетически оформить процесс авторской рефлексии. Основными регулятивными приемами, определяющими в ее стихах способность направлять интерпретационную деятельность читателя, являются различные формы метатекста и интертекста. Последний проявляется в тяготении автора к персонажной лирике и использованию ряда прецедентных мотивов и сюжетов. Все это подчинено воплощению основной идеи – отсутствие житейского опыта не является препятствием для эстетической рефлексии о жизни, мире, выборе творческого пути. Закономерно, что лирическим героем становится ученик, постигающий основы поэтического мастерства и узнающий тайны мироздания посредством обращения к культуре и истории, цивилизационному опыту в целом.

Ученичество помогает поэту смело интерпретировать известное, создавать поэтическую реальность, в которой многое случается иначе, чем известно нам, писать историю, в которой возможно сослагательное наклонение. Окончания старых сю-

жетов на новый лад парадоксально печальны: Адам и Ева, изгнанные из Эдема, находят свое счастье в одиночестве: *до конца бесконечного света / На этой планете мы будем с тобою одни*. Одиссей обречен на вечное и безнадежное скитание в поисках Итаки только потому, что карты лгут, *на них давно чересчур уж условные знаки, / Не найдешь ничего / и не вспомнишь ни слова отныне*. Текстовая реальность, созданная поэтом на основе известных культурных смыслов и сюжетов, трагически соответствует правде жизни, а потому не может быть приукрашенной, истории не могут заканчиваться радующим читателя счастливым финалом.

Во многих стихотворениях мир увиден глазами героев прецедентных текстов, а лирическое повествование ведется, как правило, от первого лица. Таким образом автор создает эффект передачи непосредственного течения мыслей и чувств лирических героев, что позволяет эстетически реконструировать внутренний мир персонажа, установить и объяснить скрытые мотивы и причины тех или иных его поступков и решений. Автор обращается к рассмотрению как традиционных для литературы коллизий (например, размышления Евы, обращенные к Адаму; обращение ангела, принесшего благовест Деве Марии; монолог Иуды), так и оригинальных, явно преодолевающих стереотипы восприятия сюжетов.

Наибольший интерес в связи с этим представляет стихотворение «Слышишь ли, Каин?», в котором традиционный библейский сюжет парадоксально трансформируется. Автор, хорошо знакомый с Библией, расставляет иные смысловые акценты в истории убийства Каином Авеля. Как известно, Господь пренебрег дарами Каина, и земледелец затаил обиду на брата-пастыря, чьи подношения Господь призрел, а позже «когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его» (Бытие гл. 4, 8). Господь проклял Каина: «Что ты сделал? Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли; и ныне проклят ты от земли, которая открыла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей; когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле» (Бытие гл. 4, 10, 11, 12). В библейском контексте проклятие в значении «отлучения» от земли становится страшным наказанием для земледельца Каина, которого никто, по воле Божьей, не смеет лишить жизни, то есть наказать страшнее, чем это сделал Господь: «И сказал ему Господь: за то всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро. И сделал Господь Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его».

В стихотворении А. Ануфриевой мы слышим голос персонифицированной Земли, «которая от-

крыла уста свои принять кровь» (Бытие гл. 4, 11) Авеля: *В шелесте листьев и в шепоте трав / голос мой вечно чарует и манит / тех, кто сумеет поверить, поняв*. Именно земная плоть, тысячелетиями сливавшаяся с мотыгой земледельца, взывает к жертвоприношению: *Все, что родилось, должно возвратиться / в жаркое тесное чрево мое*. Земля обещает Каину не только щедрые дары, что противоречит проклятию, произнесенному Господом, но и счастье забвения: *Я подарю тебе запахи луга, / И ожидания сладость, и сны. / Будут мятежные белые вьюги / Много короче счастливой весны. / Скроют следы твои чащи лесные, / Спрячут тропинки зеленые мхи. / В мире далеком ты станешь счастливей, / Будут шаги неслышны и легки*. Создавая образ Земли, требующей жертвоприношения и противопоставившей себя Господу, автор переосмысливает мотивы поступка Каина, моделирует иной, нежели традиционно принято представлять, ход его мыслей и причины поступка. В интерпретации автора Каин остается язычником, и, возможно, именно конфликт веры толкает его на первое в библейской истории преступление.

Эстетически осмысливая судьбы героев Библии и Евангелия, поэт причащается, приобщается к религиозному опыту мировосприятия, делает его частью своего мировоззрения, но не слепо и доверчиво копируя базовые представления веры, а творчески преломляя и трансформируя их.

Несколько иначе художественная рефлексия воплощается в регулятивных приемах метапоэтического характера. Автор, размышляя, вступает в диалог с поэтической традицией, со стереотипами культуры. *Тихий скрип гусяного пера* навеивает не только грустные мысли о тщетности и никчемности поэтического труда: *Пегас дряхлеет. Умирает свет, / И на бумаге строчки без значенья, Поэзия живет сто тысяч лет, Кричит толпе, ниспровергает троны!.. / Но только помни, дорогой поэт – / Пегас родился из крови Горгоны*, но и возвышенные размышления о божественной природе лирического дара: *Слеплю твой образ из огня / И нареку тебя поэтом, / А слово станет сутью света, / Собою заменив меня*.

Сама поэзия осмысливается автором как особое пространство, которое противостоит хаосу малопонятного и иногда пугающего мира: *Взять белый лист бумаги. / Ярко белый. ... Рукою неуверенной / ... Творить, / (всего лишь там, / на белой глади), / Из бездны создавая новый мир... / Однажды утром, / Серым зимним утром – Постой, не серым – / Попросту бесцветным, / В свой мир уйдешь / По пестрому бульвару, / Чтоб больше не вернуться / Никогда*. Творчество становится единственной надеждой на спасение: *Я, сцепившись в стихотворение, / Соскользну по наклонной*

плоскости, / но упасть не смогу. Однако и творческий путь, найденный автором, пролегает через тернии повседневности и необратимо ведет к концу жизни: *Тропинки превращаются в пути / И в небо упираются дороги / Лишь там, где больше некуда идти, / Где бесконечно одиноки боги. / В тенистой роице маленьком пруду, / У позабытой и заросшей тропки / Я свой конец и истину найду... / Ах, в городе опять сегодня пробки.*

Именно в метапоэтическом контексте лирический герой почти тождествен автору: это юный поэт узнает мир и людей, *вглядываясь в тысячи окон, / Пытаясь угадать / Глубину бездны, / Тящейся за легким тюлем занавесок,* надеется найти в лицах и судьбах библейских, исторических и литературных персонажей свои черты, угадать будущее. Поэт выходит на улицу в надежде встретить там себя постаревшую на 50 лет и у той взрослой и мудрой найти ответы на мучающие вопросы: *Ты встретишь неожиданно себя / И скажешь: Мы не виделись полвека / И ты себя обнимешь и простишь, / ... / Вдруг спросишь у себя: Чего грустишь? / И сам себе на это не ответишь. / И промолчишь.* Ответы необходимо искать самому, как и *искать вопросы к ответам / молчаливых мостовых,* ведь правильно сформулированный вопрос к жизни – залог верного ответа самому себе и гарантия правильности выбранного пути.

Словно проверяя прошлое на истинность, поэт усиливает метапоэтический контекст метаисторическими смыслами, и появляется стихотворение «Баллада о погибшем короле». Автор размышляет о судьбе исторического лица в сослагательном наклонении, строя свою альтернативную историю, в которой человек, рожденный Наполеоном, был *пьян и смел, не праведен, не слаб, / Но ему не грезилась корона / И победы дымно-сладкий смрад,* он *Плел миры из Образа и Слова / В пыльной пустоте своей души. / Он бежал, бежал от Ватерлоо, / Он хотел любить, мечтать и жить.* Энергия героя, не реализовавшись во власти над судьбами мира, по мысли автора, утратила силу и в поэзии, что стало кульминацией сюжета: *Он угас в своих стихотвореньях. / Он погиб. / Погиб Наполеон.* Развяз-

ка сюжета, ожидающая читателя в конце баллады, вполне ожидаема: в альтернативной истории человечество не только потеряло величайшего вождя и полководца, не обрело гениального поэта, но, что гораздо важнее, не пережило величайших страданий и потрясений: *Пел веселый ветер над погостом, / Над землей, где не было войны.* Автор подчеркивает, что несостоявшаяся судьба одного, пусть даже и значительного исторического персонажа, стоит сохранения сотен тысяч человеческих жизней.

Художественно воплощенная рефлексия как регулятивная стратегия начинающего автора является эксплицированной и однородной по типу доминирующих регулятивных средств, к которым можно отнести различные формы интертекста и метатекста, включая метапоэтические и метаисторические приемы. Более того, эстетизированная рефлексия характеризуется замкнутостью на сумме тех знаний и суждений, которые восприняты, но не пережиты, которые стали фактом сознания, но не личного опыта автора. Поэтесса осознает, что для зрелого творчества необходим багаж собственных переживаний, опыт правильных и ошибочных поступков, побед и промахов, именно эти знания, подвергнутые рефлексии и помноженные на художественное воображение и несомненный поэтический дар, станут залогом творческой успешности начинающего поэта.

Итак, своеобразие художественной рефлексии как регулятивной стратегии начинающего поэта состоит в том, что в эстетически значимой форме воплощаются результаты познания и самопознания не столько явлений внутреннего и внешнего мира, сколько феноменов языка, культуры, искусства и истории. В отличие от поэта зрелого, начинающий поэт в большей степени подвергает художественной рефлексии ресурсы «коллективной памяти», в которой отражены мировоззренческие результаты опыта предшествующих поколений. Память о собственных действиях, поступках и переживаниях еще только формируется, поэтому сознание начинающего автора становится призмой, сквозь которую преломляется «память искусства».

Список литературы

1. Степанов С. Ю., Семенов И. Н. Психология рефлексии: проблемы и исследования // Вопросы психологии. 1985. № 3. С. 31–40.
2. Генисаретский О. И. Искусство методики. 1992. № 3. URL: <http://archipelag.ru/authors/genisaretsky/?library=2689> (дата обращения: 27.06.2014).
3. Кривцун О. А. Художник на сцене воображаемого. Феномен рефлексии в художественном творчестве // Человек. 2005. № 3. URL: <http://o-krivtsun.narod.ru/article-32.htm> (дата обращения: 15.09.2014)
4. Белинский В. Г. Разделение поэзии на роды и виды. URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0790.shtml (дата обращения: 28.12.2014).
5. Ануфриева А. Май номер двенадцать. Томск, 2004. 56 с.
6. Выготский Л. С. Педология подростка // Собрание сочинений в 6 т. Т. 4. М. 1984. С. 5–220.

7. Чуковский К. И. От двух до пяти: Как дети слагают стихи // Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Правда, 1990. С. 307–376.
8. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Избранные статьи. Таллинн, 1992. С. 200–202.
9. Выготский Л. С. Искусство и жизнь // Психология искусства. Ростов-на-Дону, 1998. С. 309–339.
10. Рождественская Н. В. Проблемы и поиски в изучении художественных способностей // Художественное творчество. Л., 1983, С. 105–122.
11. Корсунский Е. А. Развитие литературных способностей писателей-профессионалов в их школьные годы // Вопросы психологии. 1986. № 4. С. 19–27.
12. Болотнова Н. С. О связи регулятивной и концептуальной структур поэтического текста // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin) 2006. Вып. 5 (56). С. 108–113.

Бабенко И. И., кандидат филологических наук, доцент.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: innes@bk.ru

Материал поступил в редакцию 16.02.2015.

I. I. Babenko

ARTISTIC REFLECTION AS A FACTOR OF CREATIVE LANGUAGE PERSONALITY FORMATION

Artistic reflection of the young poet is described as a regulatory strategy of implementation of the results of inner world introspection, socio-cultural, linguistic and historical phenomena in aesthetic form. This regulatory strategy is explicated and uniform according to the type of the dominant regulatory tools, which include the intertext and metatext, forms of aesthetic incarnations of metahistorical and metapoetical consciousness of forming creative personality. In contrast to the mature poet, aspiring poet is more exposed to artistic reflection of collective memory resources, which reflected the results of the philosophical experience of previous generations. The memory of his own actions, deeds and experiences is being formed more clearly, so the author's consciousness is to become a prism through which the "memory of art" effects.

Key words: *aesthetic reflection, regulatory strategy, creative language personality, aspiring poet.*

References

1. Stepanov S. Yu., Semenov I. N. Psihologiya refleksii: problemy i issledovaniya [Psychology of reflection: issues and research]. *Problemy psihologii – Problems of psychology*, 1985, no. 3, pp. 31–40 (in Russian).
2. Gennesaretsky O. I. Iskustvo metodiki [Art techniques]. 1992, no. 3. URL: <http://archipelag.ru/authors/genisaretsky/?library=2689> (Accessed: 27.06.2014) (in Russian).
3. Krivtsun O. A. Hudozhnik na stsene voobrazhaemogo. Fenomen refleksii v hudozhestvennom tvorchestve [Artist on stage of the imaginary. The phenomenon of reflection in art]. *Chelovek – Man*, 2005, no. 3. URL: <http://o-krivtsun.narod.ru/article-32.htm> (Accessed: 15.09.2014) (in Russian).
4. Belinskiy V. G. *Razdelenie poezii na rody i vidy* [Division of poetry into genera and types]. URL: http://az.lib.ru/b/belinskiy_w_g/text_0790.shtml (Accessed: 28.12.2014) (in Russian).
5. Anufrieva A. *May nomer dvenadtsat'* [May number twelve]. Tomsk, 2004. 56 p. (in Russian).
6. Vygotskiy L. S. *Pedologiya podrostka. Sbranie sochineniy v 6 tomah* [Pedology of the teenager. Collected works in 6 volumes]. Vol. 4. Moscow, 1984, pp. 5–220 (in Russian).
7. Chukovskiy K. I. *Ot dvuh do pyati: Kak deti slagayut stihy. Sochineniya v dvuh tomah* [From two to five: How children make verses. Collected works in two volumes]. Vol. 1. Moscow, 1990, pp. 307–376 (in Russian).
8. Lotman Yu. M. *Pamyat' v kul'turologicheskom osveshchenii. Izbrannye stat'i* [Memory in cultural lighting. Selected articles]. Tallinn, Aleksandra Publ., 1992. pp. 200–202 (in Russian).
9. Vygotskiy L. S. *Iskusstvo i zhizn'* [Art and life]. *Psihologiya iskusstva – Psychology of art*. Rostov on Don, 1998. pp. 309–339 (in Russian).
10. Rozhdestvenskaya N. V. *Problemy i poiski v izuchenii hudozhestvennykh sposobnostey* [Problems and searching in the study of artistic abilities]. *Hudozhestvennoe tvorchestvo – Artistic creativity*. Leningrad, 1983. pp. 105–122 (in Russian).
11. Korsunskiy E. A. *Razvitie literaturnykh sposobnostey pisateley-professionalov v ih shkol'nye gody* [The development of literary skills of writers-professionals in their school years]. *Voprosy psihologii – Questions of psychology*, 1986, no. 2, pp. 19–27 (in Russian).
12. Bolotnova N. S. *O svyazi regul'yativnoy i kontseptual'noy struktur poeticheskogo teksta* [On the relationship of the regulatory and conceptual structures of the poetic text]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2006, no. 5 (56), pp. 108–113 (in Russian).

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaja, 60, Tomsk, Russia, 634041.

E-mail: innes@bk.ru